

© 2024 г.

С.А. НЕФЕДОВ

УИЛЬЯМ УОЛЛИНГ О ПОЛОЖЕНИИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

НЕФЕДОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия (hist1@yandex.ru).

Аннотация. Приводится описание социально-экономического обследования, проведенного американским социологом и журналистом Уильямом Уоллингом в России в 1905–1907 гг. Уоллинг изучил имевшуюся литературу по аграрным отношениям в России, посетил более пятидесяти деревень, опросил несколько сотен крестьян, взял интервью у десятков видных политиков. Многочисленные наблюдения позволили ему сделать вывод о связи низкорослости российских крестьян с недостаточностью потребления, причину которого он связывал с крестьянским малоземельем. Из анализа хроники событий, а также содержания выступлений депутатов Второй Думы и из содержания собственных интервью с крестьянами в 1907 г. им был сделан вывод: борьба крестьян за раздел помещичьих земель выступает основной движущей силой Русской революции 1905–1907 гг., которая по сути является крестьянской войной.

Ключевые слова: Уильям Уоллинг • Русская революция 1905–1907 гг. • этнографическое исследование в социологии • социология села • русская крестьянская семья • антропометрические данные о крестьянах • крестьянский социализм • сельская община

DOI: 10.31857/S0132162524110109

Уильям Уоллинг – американский социолог и журналист. Описания условий жизни в России различных социальных групп ее населения, составленные иностранными наблюдателями в разные годы, в сравнении с другими историческими источниками обладают как определенными недостатками, так и существенными достоинствами. К числу последних относится способность к оценкам, независимым от местной традиции, а также использование компаративного анализа, позволяющего рассматривать объект с более широкого угла зрения. Между тем, наряду с трудами, прочно вошедшими в арсенал российских историков (например, А. Кюстина, С. Герберштейна или А. фон Гакстгаузена), существуют тексты практически неизвестные социологической и исторической научной общественности, о которых имеются лишь немногие упоминания в работах узких специалистов. К их числу относится и книга Уильяма Уоллинга «Russia's Message: The True World Import of the Revolution» [Walling, 1908]. Это книга о Русской революции 1905–1907 гг., а ее название можно перевести как «Послание из России: истинное значение революции для всего мира». До сих пор она рассматривалась лишь в контексте восприятия русской революции малочисленной группой американских «левых» [Журавлева, 2013; Макурин,

2001], между тем как она является чрезвычайно важной и в аспекте социологического изучения жизни русского крестьянства того времени.

Коротко об авторе. Уильям Уоллинг родился в 1877 г. в богатой и влиятельной семье из штата Кентукки. После окончания Чикагского университета в 1897 г. учился в аспирантуре у видного американского социального философа, социолога и педагога Джона Дьюи – представителя философского прагматизма, известного леволиберальными воззрениями. Иногда утверждается, что Уильям уже в студенческие годы стал поклонником социалистических идей, однако в Американскую социалистическую партию он вступил только в 1910 г. после возвращения из России. (Добавим, что в дальнейшем он вышел из этой партии и негативно воспринял революцию 1917 г.) До поездки в Россию Уоллинг был известен как талантливый журналист и профсоюзный активист. Американские левые с живым интересом следили за событиями Русской революции, поэтому в декабре 1905 г. Уоллинг отправился в Россию в качестве «журналиста-расследователя», собираясь максимально тщательно описать причины и ход революционных событий. Визитная карточка американского корреспондента открывала ему доступ к широкому кругу российских политиков, он брал интервью у министров, партийных и общественных деятелей, среди которых были С.Ю. Витте, П.Н. Милюков, А.И. Гучков, В.А. Маклаков, В.И. Ленин, Ф.И. Дан, Л.Н. Толстой, А.М. Горький и многие другие. «Было бы невозможно на нескольких страницах упомянуть даже их имена», – писал Уоллинг [Walling, 1908: X]. По своим впечатлениям он написал несколько десятков статей для «Independent», «Collier's Weekly», «Outlook», «World Today», «Charities» и других американских газет. В конечном счете на содержание этих статей обратил внимание Департамент полиции и в октябре 1907 г. Уоллинг был арестован в Петербурге вместе со своей женой Розой Струнковой, журналистами Гарольдом Вильямсом и Ариадной Тырковой-Вильямс. Поднятый в западной прессе шум заставил полицию освободить американских журналистов, они спешно покинули Россию¹.

Исследование Уоллинга ставило целью, прежде всего, разобраться в причинах Русской революции, и он начал работу с анализа положения крестьянства как наиболее многочисленного слоя населения России. Будучи учеником Джона Дьюи, Уоллинг использовал методы социологии. Предоставим ему слово: «Итак, после того как я опросил в городах многочисленных экспертов по русскому сельскому хозяйству и положению крестьянства, я отправился в деревни, вооруженный рекомендациями к живущим там врачам, учителям и другим преданным делу просвещения людям, а также к некоторым из наиболее грамотных крестьян, которые могли свести меня с остальными. Я посетил полсотни деревень, разбросанных от северных лесов Костромы до южных степей Полтавы, от азиатской границы до бывшей польской Киевской губернии, и поговорил с несколькими сотнями крестьян всех состояний и классов. Я взял за правило проверять все сделанные мне заявления, и я всегда старался избегать предрассудков данного момента или данного места. Я проверял личными наблюдениями статистические данные, которые я получал в губернских центрах, а затем, в свою очередь, мои наблюдения критически оценивались врачами, учителями, сельскохозяйственными экспертами и статистиками...» [Walling, 1908: 167].

Следует отметить, что такого рода обобщающих исследований о хозяйственном быте и материальных условиях жизни крестьянства в то время в России еще не имелось, но были разного рода описания жизни крестьян в отдельных местностях. Еще в 1860-е гг. Н.Г. Чернышевский публиковал в журнале «Современник» очерки о крестьянской общине. Имелись и иные литературные произведения такого же рода, например, известные записки А.Н. Энгельгардта, Г.И. Успенского, Н.Н. Златовратского, выполненные в жанре «мужицкой беллетристики». Имелось, наконец, обследование А.И. Шингаревым санитарного состояния двух депрессивных сел Воронежской губернии (которое сразу же вызвало критику в силу своего узкого характера) [Шингарев, 1907]. В один год с книгой Уоллинга

¹ William English Walling. URL: <https://spartacus-educational.com/USAWalling.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

(в 1908 г.) вышла работа Н.К. Бржеского, несколько страниц которой было посвящено описанию крестьянского быта с целью продемонстрировать «некультурность народной массы» для обоснования столыпинской реформы [Бржеский, 1908]. Однако, как отмечал в 1914 г. этнограф и славист Д.К. Зеленин, в целом «вопросы о внешнем быте русского народа (о жилище, одежде и хозяйственном быте)... остаются в нашей этнографической литературе почти совсем нетронутыми» [Зеленин, 2014: VI–VII]. Правда, еще в 1897 г. известным меценатом В.Н. Тенишевым было создано «Этнографическое бюро», которое рассылало по уездам анкеты с вопросами, в том числе о материальном быте крестьянства, но материалы этого бюро не были в то время опубликованы и стали использоваться исследователями лишь в конце XX в. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что предпринятое Уоллингом обследование имело уникальный характер – и тем более важными явились его результаты.

Предназначенная для широких кругов читателей книга Уоллинга в целом имеет научно-популярный характер, ее автор не избегает литературных описаний. К примеру, подробно описывает условия жизни и быта крестьян центральной России: «Существует замечательное сходство между домами в деревне. Как правило, в деревне не более двух-трех домов, которые отличаются от других небольшими изменениями – хотя, конечно, в разных частях страны стиль и размеры домов значительно различаются. Железо обычно не используется, и даже дерево для дверей используется экономно. Единственная дверь сделана настолько маленькой, что крестьянин выше среднего роста не может войти, не наклонив головы. Везде люди тратят немалую часть своего времени на перекрытие крыш соломой и замазывание щелей в своих домах глиной... Дом обычно имеет размер пятнадцать на тридцать футов², и половина его, без окон и построенная хуже, чем остальная часть, предназначена для животных, а не для людей. Действительно, каждый дом является также хлевом. Проходя через низкую дверь, мы попадаем в часть дома, где содержатся животные... Пройдя через вторую дверь, мы оказываемся в другой комнате..., которая служит кухней, спальней и гостиной для всей семьи из шести – двенадцати человек – ведь “семья”, как следует помнить, состоит не только из родителей и детей, но также из бабушек и дедушек, и, возможно, из одного – двух неродственников, поскольку все одинокие неженатые взрослые в общине делятся между семьями... Излишне представлять себе условия, которые часто возникают, когда десять или пятнадцать человек обоего пола и всех возрастов, иногда не очень близкородственные, набиваются друг на друга на одной широкой деревянной полке и на одной земляной печи, которые являются единственными лежанками в доме...» [Walling, 1908: 170].

Это описание лишь немногим отличается от характеристики крестьянского жилья начала XX в. в обобщающих исследованиях нашего времени, появившихся сравнительно недавно. В.Б. Безгин, например, не пишет о чрезвычайной тесноте в домах, но указывает на то, что эти дома были «курными» избами [Безгин, 2006: 320–321]. Дым при топке печи выходил не наружу, а внутрь помещения, так что стены были покрыты копотью.

В отличие от многих современных Уоллингу исследователей, его наблюдения отличаются сочетание этнографического и социолого-экономического подходов. Он выясняет экономические причины неблагоприятных условий проживания крестьянских семей, рассматривает их связь с ценами на стекло, дрова, железо. «Почти везде окон мало, и они очень маленькие; они часто разбиты и запечатаны, так что их невозможно открывать круглый год... Невозможность открывать окна летом – очень большое зло, но гораздо большее – невозможность заменить разбитые стекла в течение долгой и ужасной зимы из-за стоимости стекла. В результате многие разбитые окна большую часть года заколочены. Как только погода становится прохладной, даже те, которые можно открыть, плотно закрывают до возвращения весны. Многие посетители испытывают отвращение к такой нездоровой привычке; но это не вопрос санитарных или антисанитарных привычек – это

² 4,5 × 9 метров.

вопрос расходов. Во многих частях страны нет ничего дороже дров. Открыть одно из маленьких окон, даже частично на целый день или ночь, несомненно, стоило бы крестьянину нескольких копеек на топливо» [Walling, 1908: 170–171].

Дороговизна железа обуславливает примитивность рабочего инвентаря. «Таможенные пошлины на железо были установлены настолько высокими, что крестьяне едва могут позволить себе употреблять даже гвозди... Орудия, используемые крестьянами, невероятно грубы. Большинство осмотренных мною повозок были сделаны без малейшего куска железа, как это иногда случалось среди наших первых фермеров более века назад... Борона, как и повозка, сделана без использования железа. И не только железо слишком дорого для широкого использования; очень редко крестьянин может позволить себе что-либо, кроме веревок или ремней из какого-нибудь дикорастущего волокна для упряжи своих телег или лошадей» [ibid: 183, 184].

Те же экономические причины влияют и на выбор одежды крестьянами, когда они не могут купить хлопчатобумажные ткани, которые в других странах являются самой дешевой одеждой бедняков, потому что правительство в угоду фабрикантам установило высокие тарифы на импорт хлопка. «Кроме того, крестьянин нечасто меняет одежду. Ответ на это обвинение заключается в том, что у него нет одежды, чтобы переодеться... У крестьян не только нет в достатке нижней одежды, чтобы поддерживать чистоту, но у них также нет достаточной обуви и шубы, чтобы согреться. Я был потрясен, когда увидел женщин, проходящих по дорогам в коротких юбках в ветреные зимние дни, и заметил, что на них не было никакой шерстяной одежды. Думается, крестьянин мог бы иметь в достатке хлопчатобумажных изделий для гигиены и тепла, если бы правительство не установило такой высокий таможенный тариф на хлопок и хлопчатобумажные изделия, что несчастные потребители вынуждены платить несколько цен за все, что они покупают. А так у мужчины не хватает рубашек, а у женщины – юбок даже для приличия, не говоря уже о тепле. Что касается шерстяных изделий, то они редки. Разве не невероятно, что в этой стране, обладающей большим количеством пастбищ, чем какая-либо другая на земле, недостаточно шерсти для элементарных нужд населения и недостаточно шкур и кож, чтобы люди могли носить кожаную обувь? Ибо на юге, а летом и на севере, обувь не кожаная, а из плетеной коры, как у многих примитивных народов. Даже зимой можно увидеть больше сапог из войлока, чем из кожи. Но хуже всего то, что эти несчастные люди не могут позволить себе теплую шубу. Далеко не всегда у крестьянина есть хорошая овчинная шуба. Если она у него и есть, то она часто годами носится до лохмотьев, пока не достигнет отвратительной степени загрязнения. Конечно, овчинная шуба – самая дешевая одежда, которую только можно себе представить, чтобы защитить крестьянина зимой, но даже это далеко за пределами его скудных средств» [ibid: 171].

На основе бесед с крестьянами Уоллинг описывает их обычную пищу. Посещение полсотни деревень и опрос сотен респондентов позволяет ему определить «средний» уровень питания. «Почти излишне говорить об ужасно низком качестве и скудном разнообразии пищи крестьянина. Сам он считает, что ему очень повезло, когда у него достаточно еды, не говоря уже о её качестве или разнообразии. Основная пища – черный хлеб и картофельный суп с зелеными огурцами или арбузами летом. Основной напиток – не чай, как обычно думают; напротив, чай считается роскошью. Их главный напиток – “квас”, который готовится из кислого хлеба. Не только чай считается скорее роскошью, нежели необходимостью, но часто роскошью считается также сахар, капуста³ и даже достаточное количество соли. Все эти предметы можно увидеть в каждой крестьянской избе, но они используются очень экономно. Чай разбавлен и фальсифицирован до такой степени, что он почти непригоден для питья, соль грубая и грязная от долгого хранения, так что она становится отвратительной даже на вид. Из мяса даже самые

³ По-видимому, имеется в виду свежая капуста (англ. cabbage – «кочанная капуста»). Квашеная капуста не была роскошью.

грубые куски свинины потребляются не каждый день, являются настоящей роскошью. Большая часть крестьянских семей ест мясо только по самым большим праздникам – то есть четыре раза в год. Но в предыдущем абзаце я говорил только о среднем [уровне питания. – Прим. С.Н.]. Учительница из одного из беднейших районов, которая знала всех крестьян своей деревни, уверяла меня, что даже когда нет голода, рядовой крестьянин не пьет чай, что овощи, кроме зеленых огурцов, вообще не употребляются, и что тот, кто может положить сало в свой суп, считается крестьянами богачом. Вместо мяса по праздникам они могли купить лишь немного сушеной рыбы. А во время частых голодовок пища становится бесконечно более жалкой; муку, чтобы увеличить объем хлеба, смешивают с сеном, соломой, корой и даже с глиной» [ibid: 172–173].

Уоллинг отмечает и тот факт, что центральная Россия относится к зоне рискованного земледелия, где периодически случаются неурожайные годы. «Мы вообще не можем понять условия жизни русского крестьянства, не вспомнив о почти хронических голодовках. Мы должны помнить, что голод случается не только время от времени, но что в большей части страны он случается с величайшей регулярностью каждые два-три года. Конечно, я не преминул отправиться в голодный район, чтобы своими глазами увидеть, каковы были тамошние условия. В Бузулукском уезде Самарской губернии урожай 1906 г. был настолько скудным, а то немного зерно, что оставалось, было настолько ценным, что крестьяне дергали стебли руками, не имея возможности косить. Не было сена для лошадей, и в августе они уже хирели от болезней, и люди скармливали соломенные крыши амбаров умирающим животным... Дети были слишком слабы, чтобы учиться, и бросили школы – на сельском сходе говорили, что дети скоро умрут от голода. Некоторые родители, обнаружив, что не могут прокормить своих детей, оставаясь дома, оставили их в деревне, надеясь, что им удастся где-нибудь заработать немного хлеба. Правительство что-то делало, чтобы облегчить голод, но помощь была смехотворно недостаточной и распределялась возмутительно. Крестьянам выдавалось на весь сезон по сорок фунтов зерна на человека, тогда как требовалось по меньшей мере двести фунтов» [ibid: 177].

Социоантропологические и социологические выводы Уоллинга. Важным заключением является подмеченная Уоллиногом низкорослость русских крестьян [Walling, 1908: 174]. По-видимому, он был первым, поднявшим тему, которая стала обсуждаться в антропологии историографии лишь сто лет спустя. Действительно, как подсчитал Б.Н. Миرون, средний рост крестьян (почти поголовно неграмотных) составлял 163,6 см. В то же время средний рост взрослых немецких мужчин равнялся 169 см, американских – 170 см, английских – 174 см [Миرون, 2010: 211, 351].

Опять же первым из исследователей Уоллинг поднял вопрос о связи низкорослости крестьян с недостаточным питанием. С этим вопросом он обратился к одному из заместителей премьера С.Ю. Витте. «Крестьянин недоедает, но для него не хватает работы, – ответил высокопоставленный бюрократ. – Зачем его держать в полной силе? Разве не счастье для России, что ее крестьяне не имеют привычки есть так много, как в других местах? Страны различаются в отношении питания, как и во всем остальном. Существует много диких рас, которые, вынужденные необходимостью, приспособились к самой разнообразной и скудной диете». Уоллинг, заметил, что средняя русская лошадь весит вдвое меньше французской. В продолжение беседы он спросил, почему лошадей в России кормят так плохо, что это приводит к их вырождению? Чиновник ответил, что не стоит кормить лошадь, для которой не хватает работы, и на удивление Уоллинга, «использовал те же термины, когда говорил о крестьянине» [Walling, 1908: 174–175, 186].

Почему же крестьянину и его лошади не хватало работы? Причина – в крестьянском малоземелье: «Во время освобождения в 1861 г. уже признавалось, что крестьянская семья, чтобы прокормить себя, должна иметь по крайней мере двенадцать с половиной десятин (или тридцать три акра) земли... Но в 1875 г. средний размер земли во владении крестьян составлял уже только около девяти десятин (двадцати четырех акров) на двор; в 1900 г. он упал еще ниже до шести с половиной десятин (семнадцати акров) – как раз

около половины того, что, по подсчетам самого правительства, необходимо для содержания крестьянской семьи» [ibid: 187].

«Правительственная комиссия, исследовавшая причины нищеты в центральной России, нашла, что у мужчин достаточно работы, чтобы занять только одну пятую [своего времени. – Прим. С.Н.], а у лошадей достаточно, чтобы занять только одну треть своей рабочей силы. Вот, таковы великие, неоспоримые истины, лежащие в основе положения крестьян. Ни у земледельцев, ни у домашних животных нет достаточного количества [земли и работы], чтобы уберечь себя от физического вырождения» (курсив мой. – Прим. С.Н.) [ibid: 174].

Правительственная комиссия, которую упоминает Уоллинг, – это, по-видимому, учрежденная в 1901 г. «Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», для краткости называемая «Комиссией 1901 года». Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 52%. Особенно высоким этот процент был в черноземных губерниях, где он составлял от 64 до 67% [Материалы..., 1903: 234].

В современной литературе описанная выше ситуация называется «аграрным перенаселением» или «мальтузианской ловушкой»; она характерна для многих аграрных стран и является результатом роста населения в условиях стагнации сельскохозяйственного производства. Согласно теории Мальтуса, население в аграрных странах растет в геометрической прогрессии – быстрее, чем средства производства. Уоллинг отмечал, что в России «в то время как население увеличивается ежегодно на 2 или 3%, сельскохозяйственное производство увеличивается примерно в два раза медленнее» [Walling, 1908: 181].

Выход из «мальтузианской ловушки» заключается в увеличении продуктивности земледелия. Уоллинг описывает практикуемые большинством российских крестьян приемы земледелия: «В этой прекрасной и чрезвычайно богатой сельскохозяйственной стране... вся работа по обработке почвы выполняется таким примитивным и расточительным образом, что гораздо больше ее богатств пропадает зря, чем экономически используется. Все, конечно, делается вручную. Семена выбрасываются из мешка или фартука, как это было сто лет назад. Естественно, птицы, которых можно увидеть повсюду в огромных стаях, получают большую часть. Затем, если выпадает слишком много дождей, семена гниют, а если их недостаточно, то очень часто ветер нагребает их в кучу или уносит прочь. Вспашка, как правило, производится на глубину около шести или восьми дюймов в почву. В восточной половине России, в самых плодородных районах, засухи случаются очень часто. Если бы здесь использовался плуг, который углублялся на 12–18 дюймов... голод стал бы редкостью» [ibid: 175]. Но не надо думать, что крестьяне незнакомы с современной агротехникой: «Везде проезжаешь мимо больших поместий дворян и купцов... Почти в каждом таком поместье применяются современные методы ведения сельского хозяйства, часто самым передовым образом. Крестьяне работают в этих поместьях, и после небольшого естественного предубеждения вначале они вскоре осваивают самые сложные машины. Поэтому нельзя сказать, что крестьяне не знают, что такое научные методы». Однако Уоллинг приходит к выводу, что у крестьянина «все равно не было возможности сберечь деньги и накопить тот капитал, который абсолютно необходим для возрождения его сельского хозяйства... не было денег, чтобы купить лучших животных или лучшие плуги, не было бы средств, чтобы увеличить жалкую урожайность и улучшить участь бедствующего земледельца. <...> Ужасно низкая производительность сельского хозяйства крестьянина и малый размер его дохода, конечно, являются причиной его страданий. Он получает около одной трети дохода бедного немецкого крестьянина, одну четвертую дохода француза. Он производит только около половины того, что нужно, чтобы как следует прокормить себя и животных» [ibid: 181–184].

По вычислениям Уоллинга, средний российский крестьянин имеет в пять раз меньше земли, чем американский фермер. Такое положение сложилось в результате реформы

1861 г., когда большая часть земли осталась у помещиков. «Освобождение было осуществлено таким образом... что сделало крестьянство экономически более зависимым от класса помещиков, чем когда-либо» [ibid: 186]. «Если мы посмотрим на общее количество земли, находившейся во владении крестьян и собственников в то время, то обнаружим, что сто тысяч помещиков все еще владели почти такой же землей, как двадцать миллионов крестьян... Тяжелое бремя налогов, возложенное на крестьянство государством, также оказало огромную услугу помещикам, удерживая крестьян в совершенно зависимом экономическом положении...» [ibid: 188]. «Луга, столь необходимые для выпаса скота, и леса, которые поставляют строительный материал и топливо, в основном находятся в руках помещиков... Стоимость земли, и арендная плата возросли более чем в три раза» [ibid: 193]. «Помещичье землевладение продолжает процветать. Князь Голицын, обер-шталмейстер двора, имеет около трех миллионов десятин; князь Рукавишников, тайный советник министерства внутренних дел, имеет около двух миллионов; князь Шереметьев, член Государственного совета, имеет около полумиллиона и т.д. В Полтавской губернии... где я побывал летом 1906 года... около одной трети земли находится в руках богатых или зажиточных собственников, в среднем более четырехсот десятин, тогда как большинство крестьян имеют только от пяти до двадцати пяти десятин на двор, а двести тысяч имеют менее пяти десятин» [ibid: 204].

«Если бы помещики... не владели ни зерном, ни землей, которая его производит, то голода бы не было» [ibid: 186]. А теперь зерно, которым владеют помещики, вывозится за границу. «В 1906 г., когда официальные отчеты показывали, что тридцать миллионов человек находились на грани голода, экспорт зерна из России достиг стоимости более пятисот миллионов рублей – более чем достаточно, чтобы предотвратить смерть от голода нескольких сотен тысяч детей и сохранить жизнь миллионам умирающих лошадей и скоту, от которого зависит жизнь или смерть крестьян в будущем» [ibid: 188]. Но крестьяне не могли купить зерно, которое они вырастили на земле помещика, будучи батраками или арендаторами. Упомянутый выше «заместитель Витте» утверждал, что «экспорт зерна из России на какое-то время вырос, потому что люди были слишком бедны, чтобы иметь возможность оставлять себе свой хлеб» [ibid: 193]. «Разве не выгодно и России, и крестьянину, чтобы он просто затянул свой пояс?» [ibid: 204].

«Несомненно, было бы более мудро со стороны правительства полностью прекратить политику поощрения экспорта зерна из страны, где и люди, и их животные голодают из-за потребности в зерне». Но «вся экономика русской нации, поддержание золотого стандарта, выплата процентов по иностранным займам – все это зависит от экспорта зерна. Большая часть экспорта России действительно приходится на зерно; масло и яйца доводят долю сельскохозяйственных продуктов в экспорте до двух третей от общего объема...» [ibid: 186–187].

Уоллинг о Первой русской революции. В 1902 г. первые крестьянские бунты прошли в Полтавской и Харьковской губерниях. После «Кровавого воскресенья» последовали волнения и вооруженные выступления рабочих в городах. Царь был вынужден пойти на уступки и заявил о созыве Думы – и крестьяне поняли, что власть не так сильна, как прежде. Последовала еще одна волна крестьянских восстаний. «Скрытая классовая ненависть между деревней и помещиком внезапно вылилась в гигантскую классовую войну. Сельская местность от Польши до Урала и от Черного моря до Балтики была освещена в течение нескольких недель пожарами тысяч поместий – в общей сложности было уничтожено имущества на 50 миллионов долларов» [ibid: 233].

Это движение имело в основном стихийный характер. Крестьяне не могли объединиться и противостоять армии, но оно было настолько массовым, что власти не имели достаточно сил для скорого наведения порядка: «Казачи приходили в деревни – не во все сразу, в Империи не хватило бы казаков, чтобы сделать это, – а по очереди; они... избивали крестьян, заставляли их покориться, убивали главарей, а других отправляли в Сибирь или в городские тюрьмы» [ibid: 233]. Министр внутренних дел П.Н. Дурново

телеграфировал киевскому губернатору: «Местной вооруженной силы недостаточно. Поэтому я настоятельно прошу вас в этом случае, как и во всех подобных, приказать немедленно уничтожить мятежников силой оружия, а в случае сопротивления сжечь их дома. В настоящий момент необходимо раз и навсегда искоренить в народе стремление брать закон в свои руки. Аресты теперь не достигают своей цели; невозможно судить сотни и тысячи людей» [ibid: 234]⁴.

В 1906 г. революция пошла на спад. Выступления крестьян и восстания рабочих были подавлены, народ возлагал надежды на Думу. Хотя избирательное право было неравным и голос помещика приравнивался к 15 голосам крестьян, в Думе сформировалась крестьянская Трудовая группа. «Трудовая группа предлагала не экспроприацию некоторых, а ликвидацию всех помещиков вместе с их иждивенцами арендаторами и сельскохозяйственными рабочими; не временное приостановление священного права частной собственности во время великого социального кризиса, а его отмену навсегда» [Walling, 1908: 211]. В июле 1906 г. Первая Дума была распущена. «Массы русского народа восприняли роспуск первой Думы гораздо серьезнее, чем умеренные партии. Этот акт царя оказал на крестьянство такое же электризирующее воздействие, какое оказал на рабочих расстрел 22 января (9 января ст. стиля. – Прим. С.Н.) 1905 года в Петербурге... Результаты выборов показали, что по крайней мере пятнадцать миллионов из двадцати миллионов избирателей проголосовали за революционные и социалистические партии». «Депутаты большинства нации во Второй Думе выступали за социал-революционную программу. Социальная революция, которая объединила народные массы, касалась главным образом земельного вопроса... Все партии, которые имели какие-либо претензии на то, чтобы представлять крестьянское большинство нации, выступали за то, чтобы государство экспроприировало, с компенсацией или без нее, всю землю, принадлежащую дворянству и богатым классам, создало из этой земли национальный земельный фонд и предоставило либо отдельным крестьянам, либо деревням, либо другим местным органам власти постоянное право на долю в этом фонде» [ibid: 313–314].

Отмечается им и радикализация политических настроений думских депутатов: «Аргументы, использованные депутатами в поддержку предлагаемой экспроприации, были самого революционного характера... Один из них сказал: "Мы знаем по опыту одну священную форму неприкосновенной собственности – это были сами крестьяне, которые содержались в рабстве... Вы, помещики, сидящие здесь, думаете, что мы не помним, как вы нас на карту ставили и меняли на охотничьих собак! (Гром аплодисментов.) ... Вы говорите, что ваша собственность священна и неприкосновенна – я скажу вам одно, что мы никогда ее не купим; крестьяне, которые послали меня сюда, велели мне сказать вам, что земля наша; мы хотим не покупать ее, а брать"» [ibid: 320]⁵.

Уоллинг подчеркивает, что русские крестьяне были общинниками, «сохранявшими определенное экономическое равенство в деревнях на протяжении поколений посредством общего владения землей». «Только в нерусских частях страны, в Польше, Прибалтийских губерниях и Литве... частная собственность является господствующей формой среди крестьянства».

⁴ Приказ П.Н. Дурново цитируется также Л.Д. Троцким: «Немедленно истреблять силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления – сжигать их жилища. В настоящую минуту необходимо раз навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигают цели, судить сотни и тысячи людей невозможно». См.: *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 2: Наша первая революция. Ч. 2. М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 89.

⁵ В стенограмме заседания Государственной Думы 26 марта 1907 г. этот фрагмент выступления крестьянина Н.С. Кириносова, депутата от Саратовской губернии, приводится следующим образом: «Мы, крестьяне, знаем одно: была священная собственность и неприкосновенная, и это было крестьянство, которое было в рабстве. Господа дворяне, вы думаете, мы не знаем, когда вы нас на карту ставили, когда вы нас на собак меняли? Вы говорите – это священная, неприкосновенная собственность. Нет, господа... ежели вы предлагаете, как сейчас предлагают, купить землю – то нет, мы не будем покупать. Крестьяне, которые посылали меня, сказали так: земля наша, мы пришли сюда не покупать ее, а взять». См.: *Государственная дума: Стенографические отчеты.* 1907. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1907. С. 1144.

«Каково бы ни было решение земельного вопроса, сохранится ли общинное землевладение или нет, русские убеждены, что его принципы являются частью самой души крестьянина и что крестьяне будут требовать не только политического, но и экономического равенства как постоянного принципа русского общества. "Мы хотим иметь землю для того, чтобы ее обрабатывать, – говорил [трудовик] Аникин в первой Думе. – Мы не хотим ее как частной собственности – нет и еще раз нет! Никакой частной собственности; таких понятий нет в юридическом сознании русских крестьян"» [ibid: 329]⁶.

Николай II распустил Вторую Думу также, как и Первую, но это не внесло успокоения в жизнь крестьян. «Путешествуя среди них в конце лета 1907 г., я обнаружил, что они повсюду ожидали, что новые рекруты, принявшие присягу в последние два года и призванные в течение двух следующих лет, окажутся верными не царю, а народу. Во многих деревнях рекрутов заставляют присягать нации против царя, и повсюду я видел людей, с нетерпением ожидающих войны. "Какой войны?" – спросил я. Они ответили: "Войны за землю; народной войны, в которой солдаты не будут сражаться против крестьянства, как прежде"» [ibid: 386]. И еще: «Российское государство покоится на спящем вулкане народной ненависти. Настоящая революция – революция миллионов крестьян – еще впереди. Когда она действительно наступит, она затмит Французскую революцию» [ibid: 217].

Здесь нужно поставить восклицательный знак. Уоллинг не только предсказал грандиозные масштабы будущей революции. По сути, он первым предугадывал ее крестьянский характер. В соответствии с идеологическими установками КПСС русскую революцию именovali пролетарской, а крестьянство рассматривали лишь как «попутчика», некую неустойчивую и аморфную силу. Эта традиция довлела над советской историографией 80 лет – и, как ни странно, ей в значительной степени следовала западная историография. Лишь в 1969 г. Э. Вольф указал на мощную и самостоятельную крестьянскую составляющую в русских революциях XX в. [Wolf, 1969]; затем эта тема разрабатывалась Т. Шаниным [Shanin, 1986], В.П. Даниловым [Данилов, 1996] и другими исследователями, в том числе и автором этой статьи [Нефедов, 2017].

«Речь идет отнюдь не о дополнении старых представлений неизвестными ранее фактами и подробностями, – писал В.П. Данилов. – Речь идет о складывании новых представлений, нового знания, основанного на всем объеме исторических источников... Выявленный, археографически обрабатываемый и анализируемый материал позволяет воссоздать целостную картину конкретно-исторического процесса крестьянской революции...» (курсив мой. – Прим. С.Н.) [Данилов, 1996: 4–5].

Заключение. Уоллинг показал американским читателям, что в Центральной России миллионы малоземельных крестьян живут в крайне тяжелых материальных и бытовых условиях, гораздо хуже, чем рабочие крупной промышленности, и что поля таких хозяйств чаще всего обрабатываются примитивной техникой: сохой и деревянной бороной, и что таких бедствующих хозяйств в России было большинство.

Малоизвестная работа американского социолога и журналиста Уильяма Уоллинга во многих отношениях опередила развитие социальной истории в XX веке. Опираясь на показания сотен респондентов, Уоллинг по существу провел первое социолого-этнографическое исследование крестьянского хозяйственного быта. Многочисленные наблюдения позволили ему сделать вывод о связи низкорослости российских крестьян с недостаточностью потребления. Американский социолог заключил, что одной из причин недостаточного потребления является аграрное перенаселение, возникшее в результате того, что темпы его роста превосходили рост сельскохозяйственного производства. Другой причиной было сохранение крупного помещичьего землевладения; произведенное на землях помещиков зерно в огромных объемах вывозилось из России. В итоге Уоллинг пришел к выводу, что борьба крестьян за раздел

⁶ В стенограмме заседания Государственной Думы 27 мая 1906 г. это место выступления трудовика С.В. Аникина записано так: «Нам нужна земля для того, чтобы ее пахать. Вот зачем она нужна нам. Поэтому мы не хотим частной собственности, мы думаем, что в сознании русского крестьянства нет того, что ему здесь приписывают». См.: Государственная дума: Стенографические отчеты. 1906. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1906. С. 693.

помещичьих земель является основной движущей силой Русской революции, которая по сути становилась крестьянской войной. Он предугадывал также, что движущей силой следующей надвигающейся революции окажутся передел крупной собственности и отчуждение земельных угодий, принадлежащих императорскому дому, дворянству, церкви и частным лицам, за исключением небольших крестьянских земельных участков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безгин В.Б. Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков. Дисс... д. ист. н. М., 2006.
- Бржеский И. Очерки агарного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1908.
- Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 // Крестьяне и власть. Материалы конференции / Под ред. С.А. Есикова. М.-Тамбов: ТГТУ, 1996. С. 4–23.
- Журавлева В.И. Революция 1905–1907 годов в восприятии американских “джентльменов-социалистов” // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 63–77.
- Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива ИРГО. Вып. 1. Петроград.: тип. А.В. Орлова, 1914.
- Макурин А.И. США и Россия: формирование взаимных представлений в начале XX века (проблемы социального и экономического развития, 1904–1909 г.). Дисс. ... к. ист. н. СПб., 2001.
- Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 3. СПб., 1903.
- Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М.: Весь Мир, 2010.
- Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Дело, 2017.
- Шингарев А.И. Вымирающая деревня: опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Общественная польза, 1907.
- Shanin T. *Revolution as a Moment of Truth*. New Haven; L.: Yale University Press, 1986.
- Walling W. *Russia's Message: The True World Import of the Revolution*. N. Y.: Doubleday, Page, 1908.
- Wolf E.R. *Peasant wars of the twentieth century*. N. Y.: Harper & Row, 1969.

Статья поступила: 23.09.2024. Финальная версия: 01.11.24. Принята к публикации: 06.11.24.

WILLIAM WALLING ON THE SITUATION OF THE RUSSIAN PEASANTRY IN THE EARLY 20th CENTURY

NEFEDOV S.A.

Institute of History and Archaeology of UB RAS, Russia

Sergey A. NEFEDOV, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Chief Researcher of the Institute of History and Archaeology of UB RAS, Ekaterinburg, Russia (hist1@yandex.ru).

Abstract. The article is devoted to the socio-economic survey conducted by American sociologist and journalist William Walling in Russia in 1905–1907. Walling studied the available literature on peasant life, visited more than fifty villages, interviewed several hundred peasant respondents, and then critically discussed their answers with local teachers, doctors, and statisticians. In essence, this was the first survey of the Russian peasants life using modern sociological methods. In addition, analyzing the political processes in Russia, the American journalist interviewed dozens of prominent politicians, including S. Yu. Witte and V.I. Lenin. William Walling's work in many respects was ahead of the social history in the 20th century. Numerous observations allowed Walling to conclude that the short stature of Russian peasants was connected with insufficient consumption. The American sociologist concluded that one of the reasons for insufficient consumption was agrarian overpopulation, which arose as a result of the fact that the population growth rate exceeded the growth of agricultural production. Another reason was the preservation of large landed estates; grain produced on landed estates was exported from Russia in huge quantities. As a result, Walling concluded that the peasants' struggle for the division of landed estates was the main driving force of the Russian Revolution – a revolution that was essentially a peasant war. Many of Walling's conclusions were confirmed by specialists only a hundred years later.

Keywords: William Walling, Russia, revolution of 1905–1907, standard of living of peasants, agrarian overpopulation, starvation export, anthropometric data on peasants, peasant socialism, peasant war.

REFERENCES

- Bezgin V.B. (2006) Traditions of everyday rural life in the late 19th – early 20th centuries. Diss... Dr. of Hist. Moscow. (In Russ.)
- Brzhesky I. (1908) *Essays on the agrarian life of peasants. The agricultural center of Russia and its impoverishment*. St. Petersburg: tip. V.F. Kirshbauma. (In Russ.)
- Danilov V.P. (1996) Peasant revolution in Russia, 1902–1922. In: Esikov S.A. (ed.) *Peasants and power*. Conference materials. Moscow – Tambov: TGTU: 4–23. (In Russ.)
- Makurin A.I. (2001) *USA and Russia: formation of mutual ideas at the beginning of the 20th century (problems of social and economic development, 1904–1909)*. Diss. ... Cand. of Hist. St. Petersburg. (In Russ.)
- Materials of the Commission on the study of the movement of the rural population of the Middle Agricultural provinces from 1861 to 1900, which was highly approved on November 16, 1901, in comparison with other areas of European Russia*. (1903) St. Petersburg. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2010) *Welfare of the population and revolutions in imperial Russia*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2017) *Standard of living of the population and agrarian development of Russia in 1900–1940*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Shanin T. (1986) *Revolution as a Moment of Truth*. New Haven; London: Yale University Press.
- Shingarev A.I. (1907) *Endangered village: experience of a sanitary and economic research of two settlements of the Voronezh County*. St. Petersburg: Obschestvennaya polza. (In Russ.)
- Walling W. (1908) *Russia's Message: The True World Import of the Revolution*. New York: Doubleday, Page.
- Wolf E.R. (1969) *Peasant wars of the twentieth century*. New York: Harper & Row.
- Zelenin D.K. (1914) *Description of manuscripts of the scientific archive of the IRGO*. Iss. 1. Petrograd: tip. A.V. Orlova. (In Russ.)
- Zhuravleva V.I. (2013) Revolution of 1905–1907 in the perception of American “gentlemen-socialists”. *Novaya i novejsaya istoriya* [New and contemporary history]. No. 1: 63–77. (In Russ.)

Received: 23.09.24. Final version: 01.11.24. Accepted: 06.11.24.